

Департамент культуры Кировской области  
Кировская ордена Почета государственная универсальная  
областная научная библиотека им. А. И. Герцена

## **ЗЕЛЕНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ**

Материалы  
Всероссийской научной конференции  
(Киров, 12 ноября 2013 года)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ



ГЕРЦЕНКА  
Киров, 2013

УДК 39  
ББК 63.4  
3 48

Редакционная коллегия: С. Н. Будашкина (составитель)  
Н. П. Гурьянова  
В. А. Поздеев (научный редактор)  
М. С. Судовиков (научный редактор)

Зеленинские чтения (I ; 2013; Киров)

- 3. 48** Зеленинские чтения [Текст] : материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 12 ноября 2013 г.) / Киров. ордена Почёта гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена ; редкол.: С. Н. Будашкина (сост.) [и др.] ; науч. ред.: В. А. Поздеев, М. С. Судовиков. – Киров, 2013. – 296 с.

ISBN

Сборник материалов Зеленинских чтений включает новые работы исследователей Санкт-Петербурга, Москвы, Перми, Сыктывкара, Твери, Казани, Новосибирска, Н. Новгорода, Ижевска, Йошкар-Олы, Кирова и Кировской области по вопросам духовной культуры российских регионов, этнографии, наследия Д. К. Зеленина, истории Вятского края.

УДК 39  
ББК 63.4

ISBN

© КОГБУК «Кировская ордена Почёта государственная универсальная областная научная библиотека им. А. И. Герцена», 2013

<sup>19</sup> Лю Куйли. Народные певцы в современном Китае // Фольклор в современном мире: Аспекты и пути исследования. М., 1991. С. 173–178.

<sup>20</sup> Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гилицкого языка и фольклора. Т. 1. СПб., 1908. С. 12.

## ЕЩЁ РАЗ О «ЗАЛОЖНЫХ» УМЕРШИХ: НАРОДНЫЕ И ЦЕРКОВНЫЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ\*

*С. Ю. Королёва, Е. М. Четина*

Не будет преувеличением сказать, что изучение специфической категории умерших – т. н. «заложных» покойников (в славянской традиции умершие неестественной или преждевременной смертью. – *Ред.*) – выделенной и описанной в классических трудах Д. К. Зеленина<sup>1</sup>, привело к появлению в славистике особого направления исследований. К настоящему времени учёными уточнены и существенно дополнены отдельные аспекты представлений о заложных. Описаны их связи с демонологическими существами и природными стихиями (Н. И. и С. М. Толстые, Л. Н. Виноградова, О. А. Седакова<sup>2</sup>); выделена особая категория умерших – т[ак] н[азываемые] «забудущие родители» (С. А. Штырков), значительно скорректирована семантика определения «заложный» применительно к народным представлениям (А. А. Панченко), поставлен вопрос об их связи с местными культурами «безымянных святых» (И. Левин)<sup>3</sup>. Намеченное Д. К. Зелениным изучение церковного влияния на народные верования и обряды нашло продолжение в работах историка А. И. Алексеева<sup>4</sup>. Труды эти мало известны этнографам и фольклористам; между тем, как нам кажется, приведённые в них сведения позволяют несколько иначе увидеть соотношение церковно-канонических практик и народных традиций, имеющих отношение к культуре заложных и зафиксированных в XIX–XXI вв.

Настоящая работа также посвящена взаимоотношениям церковно-книжного и фольклорного начала, связанным с народно-православными практиками поминания заложных; материалом послужили опубликованные источники и записи, сделанные авторами в 2000–2013 гг. в ходе полевых исследований Лаборатории культурной и визуальной антропологии ПГНИУ (рук. Е. М. Четина) на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края.

Касаясь вопроса об отношении к заложным покойникам со стороны церкви, Д. К. Зеленин отмечает его историческую изменчивость: по данным XIII в., представители духовенства настаивали на их погребении (что противоречило народным обычаям), но не совершали церковного отпевания и не служили панихид<sup>5</sup>. Примечательно, что в православном

богослужении, заимствованном и усвоенном древнерусской церковью, имелся канон, вступавший, на наш взгляд, с подобной практикой в некоторое противоречие. Речь идёт о полном каноне св. Феодора Студита (VIII–IX вв.) для мясопустной Вселенской субботы (в память о «всех от века усопших православных христиан, отец и братии наших»), где в числе прочих перечисляются и внезапно скончавшиеся<sup>6</sup>. Однако сочинение это, исполнявшееся дважды в год и заменявшееся в некоторых «Триодях Постных» на каноны других песнописцев, по всей видимости, не имело широкого влияния на отношение древнерусского священства к умершим «напрасной» смертью.

А. И. Алексеев полагает, что своего рода перелом произошёл в XIV в. в Византии: на фоне обострившихся эсхатологических ожиданий церковь перестала видеть в умерших без покаяния «безвозвратно погибших грешников» и поставила задачей молитвенную помощь их душам<sup>7</sup>. На Руси становление новой практики церковных поминовений связано с деятельностью митрополита Киприана (1330–1406), при котором, в частности, была заложена традиция поминать павших воинов в Дмитриевскую субботу<sup>8</sup>. Дальнейшее воцерковление народного культа заложных связано с их упоминанием в монастырских синодиках. И. В. Дергачёва установила, что при этом использовалась молитва о всех умерших христианах Кирилла Иерусалимского, переведённая на церковно-славянский язык преп. Нилом Сорским<sup>9</sup>; приведём её с сокращениями по синодику конца XV в. из Павло-Обнорского монастыря: *«Помяни, Господи, душа усопших раб своих, прежде почивших от века. Иже в блажене памяти преставлевшихся благочестивых цареи, вселенских патриарх, пресвятейших митрополит, <...> и всех благоверных князеи. <...> Помяни, Господи, столпники и столпници, пустынники и пустынници, мученики и мученици. Помяни, Господи, скончавшихся на мори и на пути, гладом и жаждею, и нагою, и от инья напрасныа смерти, измерзших от мраза и запаленных от молнии. Помяни, Господи, избиенных на ратех и в темницах заключенных, от насилия мученых <...>. Помяни, Господи, их же некому помянути, сирот, уродивых Христа ради мужьска полу и женьска. Помяни, Господи, снedenых от звереи, и от птици, и от рыб в горах и в водах, и в пещерах, и в пропастьех земных»*<sup>10</sup>. (Молитва эта примечательна тем, что впоследствии вышла за пределы монастырской книжности, была фольклоризирована и включена в целый ряд локальных народных поминальных традиций – в виде неканонических молитв или духовных стихов<sup>11</sup>). К XV в. относятся и первые свидетельства о совершении коллективных поминовений с участием церковнослужителей на местах захоронения заложных<sup>12</sup> (некоторые из сложившихся локальных традиций в трансформированном виде бытуют вплоть до настоящего времени).

В XVI в. идея церковной заботы о «напрасно» умерших была поддержана рядом видных церковных деятелей (преп. Иосифом Волоцким, св. Даниилом Переславским и др.) и закреплена установлением «общей памяти» при митрополите Макарии<sup>13</sup>. В XVII в. практика общих поминовений стала делом не только монастырей, но и мирских церквей; при этом патриархи в специальных грамотах вынуждены были предостерегать священников от поминовения душ самоубийц<sup>14</sup>.

На наш взгляд, круг явлений народной культуры, вызванных к жизни в XV–XVII вв. в связи с формированием новых поминальных практик (в т. ч. с воцерковлением культа заложных), может быть существенно расширен. Вопрос этот ждёт своего исследователя. Мы же ограничимся двумя примерами из области апокрифической письменности и религиозного фольклора. В «Сказании о 12-ти пятницах» избавление от «напрасной» гибели – с более или менее подробным перечислением её видов (восходящих, по-видимому, к выше упомянутым каноническим церковным текстам) – обещано тем, кто почитает пятничные дни. В наиболее ранних древнерусских версиях (XV в.) это перечисление отсутствует<sup>15</sup>; по-видимому, текст апокрифа дополнялся в процессе его бытования. Так, в духовном стихе, приведённом П. А. Бессоновым, упоминается смерть «от напрасного убийства», «напрасного кровопролития», «воды и потопа», «от огня, от пламя»<sup>16</sup>; встречаются и другие варианты перечисления. В рукописных сборниках с этим апокрифом нередко соседствовал (и контаминировался) «Сон Богородицы»<sup>17</sup>; в одной из поздних версий, опубликованных А. Н. Пыпиным, текст «Сна» дополнен перечислением его апотропейных функций, в числе которых названа и защита от разных видов «напрасной» смерти<sup>18</sup>. Подобные тексты свидетельствуют о том, что традиционным сознанием смерть «до срока» продолжала восприниматься как нежелательная, при этом для её описания усваивались церковно-книжные выражения.

А. И. Алексеев полагает, что дальнейшую христианизацию народных представлений о заложных покойниках пресекли петровские реформы и закрытие убогих домов, способствовавшие «консервации и оживлению самых диких языческих суеверий»<sup>19</sup>. Вынося свою оценку, учёный основывается на этнографических материалах Д. К. Зеленина (и, кажется, только на них). Между тем, в последнее время опубликовано немало данных (архивных и современных), позволяющих говорить, что, по крайней мере, некоторые локальные традиции народных поминовений испытали ощутимое воздействие со стороны церковной догматики и богослужения<sup>20</sup> («общей памяти», вселенских панихид, синодиков-помянников и т. д.). Дополнительного изучения заслуживает и феномен т[ак] н[азываемых]

«забудущих/заложных родителей» – «чужих» умерших, места захоронения которых могут выполнять функцию локальных святынь<sup>21</sup>. Сложно сказать, было ли их почитание одной из народных стратегий отношения к умершим или сложилось под влиянием продолжительной церковной практики поминок на местах коллективных захоронений различного происхождения: божедомки (место для погребения умерших внезапной смертью, без покаяния и причастия, – «невольных», или «заложных», покойников. – *Ред.*), воинские захоронения, древние могильники<sup>22</sup>.

В данном контексте представляет интерес зафиксированное в северных районах Коми-Пермяцкого округа коллективное почитание «важ-мест» (обычно – археологических памятников с более поздними заброшенными кладбищами), которые фигурируют в локальном историческом фольклоре как места самопогребения «старых людей» («чуди», «чудских богатырей», реже – староверов, беглых крепостных крестьян и др.). К числу наиболее известных (и до сих пор действующих) относится урочище Важ-Чадзёв возле д. Чазево Косинского района и Боринский могильник (он же Важ-Мокин) возле д. Борино Кочёвского района<sup>23</sup>. Согласно местному преданию, на Боринском могильнике похоронили себя бездетные супружеские пары первопоселенцев «Бора, Мока, Улита и Полита» (Борис, Мокей, Ульяна, Пелагия). Их имена упоминаются в молитвах, которые могут произноситься местными жителями на всех поминках – в т. ч. коллективных в Троицкую субботу (день церковной Вселенской панихиды): «*Помяни, Господи, Ева и Адама, Мока и Бориса, Улита и Полита, ... в лесу заблуждающих, зверями растерзанных, ножом порезанных, пострелянных, самоубийцы, отравляющихся, задавлиющихся, в омраченных ума...*»<sup>24</sup> На другое почитаемое место, Важ-Чадзёв, ходят в этот день помянуть похоронившего себя Чадзю, одного из братьев – основателей четырёх населённых пунктов (д. Чазёво и Бачманово, с. Юксеево и Пуксиб). Имя его также фигурирует в народных поминальных текстах, восходящих к молитве Кирилла Иерусалимского: «*Помяни, Господи, все святые, <...> крестолобивые воинства всех погибших: дорожники, военнопленные, нищие, жаждущие, все заблудившие, утопящие, соседы, братья, сестры, старые, девицы, Чадзь, Бадзь, Юксь, Пуксь...*»<sup>25</sup> Обычно братья-первопоселенцы относятся исследователями к «богатырской чуди», предания о которой воплощают «культ дохристианских предков коми»<sup>26</sup>. Обращение к переписи И. Яхонтова (1579 г.) показало, однако, что первые жители починка Чазева имели отчество (полуютчество) Чазев, а согласно переписи М. Кайсарова (1623–1624 гг.), некоторые жители д. Бачманова носили фамилию Бачманов<sup>27</sup>. Таким образом, представление о полной мифоло-

гичности этих персонажей может быть скорректировано: по-видимому, локальные устные предания и народные поминальные молитвы сохранили имена реальных насельников края.

Приведённые факты и высказанные соображения не отменяют, а углубляют представления о заложных умерших, описанные Д. К. Зелениным. Сохраняя сложную систему фольклорно-мифологических верований, традиционная народная культура глубоко восприняла церковную обрядность и адаптировала к своим нуждам богослужебные тексты. Исследование этого вопроса едва ли можно считать исчерпанным.

### Примечания

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 13-14-59601е(р) («Народная религиозная поэзия Обвинского края и “русского острова”»).

<sup>1</sup> Зеленин Д. К.: 1) К вопросу о русалках : (Культе покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов) // Зеленин Д. К. Избранные труды : Статьи по духовной культуре, 1901–1913. М., 1994. С. 230–300 ; 2) Избранные труды. Очерки русской мифологии : Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995 ; 3) Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Зеленин Д. К. Избранные труды : Статьи по духовной культуре, 1917–1934. М., 1999. С. 17–34.

<sup>2</sup> См., напр.: Седакова О. А.: 1) Поминальные дни и статья Д. К. Зеленина «Древнерусский языческий культ заложных покойников» // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 123–130 ; 2) Тема «доли» в погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры : Погребальный обряд. М., 1990. С. 45–63 ; Толстой Н. И., Толстая С. М. Первый гром в Полесье. Защита от града в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 49–83 ; Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 69–99.

<sup>3</sup> См.: Штырков С. А. «Святые без житий» и забудущие родители : церковная канонизация и церковная традиция // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2001. С. 130–155 ; Панченко А. А. «Заложные родители» : Смерть, память и сакральное пространство // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2008. С. 232–259 ; Левин И. От тела к культу // Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 162–190.

<sup>4</sup> См.: Алексеев А. И.: 1) Установление «общей памяти» при митрополите Макарии. Исторический экскурс: церковное поминовение умерших «напрасною» смертью // Макариевские чтения. Можайск, 1998. С. 102–122 ; 2) Под знаком конца времён : Очерки русской религиозности конца XIV – нач. XVI вв. СПб., 2002. С. 96–99, 131–180.

<sup>5</sup> Зеленин Д. К. К вопросу о русалках... С. 247–249. См. также об источнике XII в.: Алексеев А. И. Установление «общей памяти»... С. 103–105.

<sup>6</sup> «Яже покры вода, и брань пожат, трус же яже объят, и убийцы убиши, и огонь яже попали, верныя, Милостиве в части учини праведных. <...> От четырех конец Господи, приемляй верно усопшия, в мори, или на земли, или в реках, источницех, или езерех, или в ровеницех снедь зверем бывшия, и птицам, и гадом, вся упокой. <...> Напрасно восхищенныя, попяляемая от молнии, и измерзшия мразом, и всякою ранюю, упокой Боже, егда огнем вся искушиши. <...> Отцы и праотцы, деды и прадеды, от первых и даже до последних, во благозаконии умершия и благовериши, вся помяни Спасе наши. В горе, на пути, на местех пустых житие оставльшия в вере, монахи же и бельцы, юноши и старцы, со святыми Христе всели. <...> Яже уби мечь, и конь совосхити, град, снег и туча умноженная: яже уповави плинфа, или персть посыта, Христе Спасе наши упокой», и т.д. (Суббота мясопустная. Текст службы // Православие.ru. URL: <http://days.pravoslavie.ru/rubrics/canon293.htm?id=293>). Очевидно, именно этот «мертвенный канон» лаконично упоминает Д. К. Зеленин в «Очерках русской мифологии...» С. 39–40, 320.

<sup>7</sup> Алексеев А. И. Установление «общей памяти»... С. 106. Известно, что в это время Н. Ксанфопул поместил в своём синаксаре «Сказание о преставившихся душах...», где разъяснил смысл общих поминаний в мясопустную и Троицкую субботу: «Понеже нещи человеци богоугодную прияша смерть в мори ж и на суши, и мечем, и огнем, голодом и ранами, и бранми, и студеными, и всякими смертями и убози суще и немощни, и законных псалмов песни памяти не получиша. Сего ради божественные отцы общую память сим всим творити церковь узакониша, да и иже узаконеных почестей не чего ради не получиша, ныне же общую памятью и си поминаются...» (там же, с. 106), – тем самым актуализировав поэтику и духовное значение «мертвенного канона» Феодора Студита.

<sup>8</sup> Там же. С. 107.

<sup>9</sup> Дергачёва И. В. Древнерусский синодик : исследования и тексты. М., 2011. С. 25–27.

<sup>10</sup> Там же. С. 30–31. Это первый из известных синодиков, где упоминаются «напрасно» умершие. Перечислительные ряды в молитве Кирилла Иерусалимского имеют открытую структуру и могут дополняться новыми рядами и наименованиями усопших.

<sup>11</sup> См., к примеру: Голубиная книга : Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М., 1991. С. 298 ; Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т. 2. С. 665–669, 671–673.

<sup>12</sup> Алексеев А. И. Установление «общей памяти». С. 107.

<sup>13</sup> «Общая память» – «своего рода праздник и ради всех вообще русских, скончавшихся в вере, но еще не прославленных и имеющих нужду в помощи Церкви» (см.: митр. Макарий (Булгаков). История русской церкви. URL: [http://azbyka.ru/tserkov/istoriya/bulgakov\\_istoriya\\_russkoy\\_tserkvi\\_60-all.shtml/](http://azbyka.ru/tserkov/istoriya/bulgakov_istoriya_russkoy_tserkvi_60-all.shtml/)) При митрополите Макарии было также установлено всеобщее почитание многих русских святых, чьи культы носили ранее местный характер. Очевидно, этот процесс, инициированный церковью, вызвал ответную волну в виде нарастания локальных культов «неизвестных святых»; о наиболее примечательных примерах см.: Штырков С. А. «Святые без житий»... С. 130–132, 147–148 ; Левин И. От культа к телу... С. 162–166.



<sup>14</sup> Там же. С. 117. Ср.: упоминание самоубийц («бесовским смущением от своих рук скончавшихся, удавившихся и ножом заклавишихся») в синодике XVII в. из Козельской Оптиной пустыни обнаружила И. В. Дергачёва. Молитва присоединялась к Помяннику, который читался на литургии; факт моления за самоубийц свидетельствует, по мнению исследователя, «о большой доброте автора-составителя, а также о его вере в бесконечное милосердие Божие» (см.: Дергачёва И. В. Древнерусский синодик... С. 32–33).

<sup>15</sup> Публикацию рукописи см. в кн.: Тихонравов Н. Памятники отречённой русской литературы. Т. 2. М., 1863. С. 323–335.

<sup>16</sup> Голубина книга... С. 188–192 ; см. также: Тихонравов Н. Памятники... С. 337–338 ; Райан В. Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006. С. 429–431.

<sup>17</sup> См.: Райан В. Ф. Баня в полночь... С. 428.

<sup>18</sup> «...Тот человек сохранен будет и помилован от грома, и от войны, и от бури наносныя, <...> и в воде утонуть не может, <...> сохранен будет от всякия... чернижныя смерти, <...> от напрасленныя смерти... и на бою убит не будет»; цит. по: Райан В. Ф. Баня в полночь... С. 425–426.

<sup>19</sup> Алексеев А. И. Установление «общей памяти»... С. 118.

<sup>20</sup> Так, известны народные представления, согласно которым отдельные категории умерших «до срока» считаются «святыми»: дети, девственники и девственницы, воины, павшие на поле брани, женщины, скончавшиеся в родах, погибшие в грозу и при кораблекрушениях и др.; см.: Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. СПб., 2000. С. 180–181.

<sup>21</sup> См. о них: Штырков С. А. «Святые без житий»... ; Панченко А. А. «Заложные родители»... С. 239–252.

<sup>22</sup> Ещё один фактор, который мог повлиять на народное сознание, – практика церковной канонизации неизвестных умерших в случае обнаружения «нетленных мощей».

<sup>23</sup> Их функционирование неоднократно описано в литературе ; см., к примеру: Грибова Л. С. Пермский звериный стиль (Проблема семантики). М., 1975. С. 104–105 ; Чугаева С. В. Важ важжез касьтылём – поминание предков на культовых местах коми-пермяков // Сакральная география... С. 260–271 ; Четина Е. М., Роготнев И. Ю. Символические реальности Пармы : Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь, 2010. С. 140–142.

<sup>24</sup> Подборка молитв, бытующих в кочёвско-косинском ареале, опубликована, см.: Королёва С. Ю., Четина Е. М., Роготнев И. Ю. Народные поминальные молитвы из Коми-Пермяцкого округа // Живая старина. 2013. № 1. С. 53–56 ; Королёва С. Ю., Четина Е. М., Роготнев И. Ю. Народные поминальные молитвы: жанровая поэтика и специфика бытования // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2. С. 93–102.

<sup>25</sup> По всей вероятности, влияние молитвы о всех умерших христианах Кирилла Иерусалимского прослеживается и в материалах П. Сорокина, описывающего поминки вятских коми-пермяков: «Помяни, Господи, дедушку чучка, бабушку чучиху! Помяни, Господи, чучких родителей...»; цит. по: Штырков С. А. «Святые без житий»... С. 149.

<sup>26</sup> Грибова Л. С. Пермский звериный стиль... С. 97–98, 106 и др.

<sup>27</sup> Мартынов М. Е. Косинско-Камское поречье в переписях и ревизиях XVI–XIX вв. Кудымкар, 2012. С. 8.